

Как помнил Чжан Хан, до наступления 16 лет присутствие Чжао Сяолянью в его жизни было довольно незначительным. С самого детства Чжан Цимин был тем, кто заботился о нём и воспитывал его, и сам Чжан Хан был гораздо ближе с отцом, чем с матерью. Когда он был ребёнком, ему это казалось несколько странным. В конце концов, дети всегда зависят от своих матерей. Много раз ему хотелось обнять и поцеловать её, но Чжао Сяолянью отвечала на это очень холодно.

Будучи ребёнком, Чжан Хан временами чувствовал себя разочарованным и даже приходил к отцу, чтобы поплакать и пожаловаться, когда он чувствовал себя обиженным отношением своей матери. Чжан Цимин был отцом, который в их семье полностью занимался ребёнком. Чжао Сяолянью это не волновало, поэтому он воспитал Чжан Хана в соответствии со своими собственными понятиями. Он не говорил ничего плохого о ней, просто попытался объяснить Чжан Хану, что все люди выражают свои чувства по-разному. И дело было не в том, что Чжао Сяолянью не любила его как мать, просто она была холоднее большинства.

Со временем Чжан Хан также смирился с безразличием своей матери. Он не возненавидел свою мать, а обида не изменила его характер, он продолжал развиваться так же хорошо и гармонично, как и раньше. Во всяком случае, спустя долгое время, это чувство тоски и привязанности к матери в его сердце должно было ослабеть.

Что действительно позволило Чжан Хану понять личность Чжао Сяолянью, так это её беспорядочный образ жизни в течение полугода после развода. Он своими глазами видел, как его мать истерила в их маленькой квартирке, как она устроила сцену в доме Чжан Цзяньго, пытаясь разрушить чужой брак. В то время подросток Хан Хан возненавидел Чжао Сяолянью. Из-за этой ненависти в его сердце эта женщина была зловещим человеком, который мог причинить ему боль и бросить его в любой момент.

Получив звонок Чжао Сяолянью, он не хотел и боялся вспоминать те мучительные шесть месяцев. Чувство, что его выбросили на улицу как ненужную вещь, было похоже на тень, следующую за телом, от которой он просто не мог убежать.

К счастью, Лу Чэнье помог ему успешно избавиться от этой тени. Прямо сейчас он мог спокойно взглянуть на Чжао Сяолянью со стороны и увидеть ту мать, которую он никогда по-настоящему не знал.

Возможно, действительно существовала какая-то связь между единокровными матерью и сыном, но Чжао Сяолянью вела себя согласно ожиданиям Чжан Хана. Внешне её характер и манеры в это время полностью соответствовали его представлениям.

«Хан Хан... Твои глаза, вуу...» - глаза женщины были полны слёз. Она всхлипнула, и в её словах прозвучала неопишуемая душевная боль.

Однако выражение лица Чжан Хана хоть и казалось мягким, но его слова были язвительными в отличие от его обычной манеры разговора: «Я слеп уже как девять лет, и твои слезы немного запоздали».

Чжао Сяолянъ на мгновение ошалело уставилась на него, но тут же продолжила с выражением раскаяния на лице: «В то время... Хан Хан, ты же знаешь, что в то время твоей маме было очень тяжело. Мы с Чжан Цимином развелись, и у меня не было работы и денег. А Чжан Цзяньго, этот ублюдок, даже не признал своего собственного сына, и женщина его семьи боролась против меня так яростно, что я больше не могла оставаться жить в Кайши. Мама... мама не хотела этого делать. Мама боялась втянуть тебя в это дело, поэтому у неё не было другого выбора, кроме как уйти».

У тебя не было выбора?

На этот раз Чжан Хан, несмотря ни на что, не рассердился. Вместо этого он скривил губы в лёгкой улыбке.

Это даже слишком смешно: она выбросила на улицу своего слепого сына-подростка, а также продала единственный дом, который мог защитить их от ветра и дождя. Как она может говорить подобное сейчас? Насколько же она бесстыдна?!

Чжан Хан с удивлением обнаружил, что в настоящее время он действительно не испытывал чувства печали. Эти слова несомненно могли бы снова разбить ему сердце, если бы ему было не всё равно, но, как и любой другой сторонний наблюдатель, он мог быть только шокирован точкой зрения и бесстыдством этой женщины.

Несмотря на то, что это было отвратительно, чтобы он и Лу Чэнъе смогли оставить прошлое позади и смело двигаться вперёд, эту игру нужно было разыграть до самого конца.

Перетерпев тошнотворное чувство, Чжан Хан сказал после минутного молчания без всякого выражения эмоций: «Тогда, тебе... это действительно было нелегко».

Лицо Чжао Сяолянъ переполнилось радостью. Она знала, что у этого ребёнка было доброе сердце с самого раннего возраста.

Как он может не простить свою собственную мать? Кровь гуще воды, и близким всегда можно простить их ошибки.

Поэтому она продолжила свою эмоциональную атаку на Чжан Хана. Выражение её лица становилось всё более взволнованным и нетерпеливым, но Чжан Хан оставался таким же холодным и отстранённым, как и всегда. Но Лу Чэнъе, тайно наблюдающий за происходящим, больше не мог этого выносить. Хан Хан был таким чистым ребёнком и до сих пор совершенно не умел притворяться. Если он будет так продолжать, то только выдаст себя.

С тех пор, как Чжан Хан стал его возлюбленным, Лу Чэнъе не мог сдерживать себя во всём, что касалось Хан Хана, и стал совершенно необузданным. Поэтому он покинул свою наблюдательную позицию и направился прямо к Чжан Хану, встав позади него и положив руку ему на плечо. С видом собственника он презрительно посмотрел на Чжао Сяолянъ сверху вниз.

Как только этот властный человек продемонстрировал свои внушительные манеры, тихий и маленький рестораник почувствовал себя неспособным вместить этого великого бога. Лу Чэнъе стоял позади Чжан Хана, возвышаясь, словно неприступная гора. Жалкие слёзы в глазах Чжао Сяолянъ тут же исчезли. Всё ощущение её существования уменьшилось, как будто она не могла дожидаться, чтобы найти угол и присесть на корточки.

Удовлетворённо глядя на выражение лица Чжао Сяолянъ, Лу Чэнъе слегка наклонился и приблизился к Чжан Хану. Он хриплым голосом заговорил на ухо Чжан Хану, спрашивая: «Кто эта старая женщина?»

Чжан Хан: «.....»

Для Чжан Хана подобные манеры Лу Чэнъе казались просто копией манер Дахэя, когда он не мог спокойно подождать рядом и начинал добиваться его внимания. Собственническое поведение Лу Чэнъе было точно таким же, как и то, как Дахэй всегда вёл себя по отношению к своему хозяину. А что же до старой женщины... Вспомнив нежную кожу лица Чжао Сяолянъ, Чжан Хану вдруг захотелось рассмеяться.

Как только его настроение изменилось, Чжан Хан перестал выглядеть напряжённым, а черты его лица произвольно смягчились. Что касается вопроса о Чжао Сяолянъ, то он ударил Лу Чэнъе по руке и сказал снисходительным тоном: «О чём ты говоришь? Это моя мать... Но я уже взрослый, так что она и не должна выглядеть моложе меня. Она же ещё не достигла менопаузы? Рановато называть её старой женщиной».

Чжао Сяолянъ: «.....»

Я родила Чжан Хана в возрасте 20 лет. Теперь мне всего 45, 45, 45 лет! И я очень ухоженная женщина. Обычно, когда тридцатилетние мужчины, такие как Лу Чэнъе, видят меня, они называют меня самое большее "старшей сестрой", но теперь Лу Чэнъе называет меня старой женщиной?

К сожалению, под пристальным взглядом Лу Чэнъе, который смотрел на неё словно на муравья, она не рискнула показать свой гнев и могла только сжаться, уменьшая чувство своего существования.

«О...- Лу Чэнъе не проявил ни капли уважения к матери Чжан Хана. Он обнял юношу и сказал, - ты вышел из-за моей спины просто чтобы встретиться с таким незначительным человеком?»

Сердце Чжан Хана разрывалось от радости, но он всё ещё должен был говорить беспомощно и сказал: «Как она может быть незначительной? Она - моя мать».

«Ммм... - Лу Чэнъе кивнул, показывая, что он понял, но его отношение осталось прежним. Всё ещё обнимая молодого человека, он сказал, - а я вижу, что это просто старая женщина с тонной пудры на лице. Когда она идёт, вокруг падает белая пыль».

Чжан Хан: «.....»

Его лицо было полно нежных слов, вроде "я действительно не знаю, что с тобой делать". Но чтобы продолжать игру, он должен был дать Чжао Сяолянью немного лица. Чжан Хан игриво потянул за угол одежды Лу Чэнъе: «Это... Я не могу этого видеть».

«Но разве ты не чувствуешь резкий запах дешёвых духов? Разве тебе не тяжело выносить её присутствие так долго? - увидев выражение лица Чжан Хана, Лу Чэнъе почувствовал, что он не был счастлив, и не смог удержаться, схватив его подбородок пальцами. - Я так тщательно подбираю косметику и парфюм, чтобы не раздражать твой нос, и в основном пользуюсь только натуральным мылом ручной работы. А она сегодня облила себя некачественными духами, чтобы ты задохнулся до смерти? Старуха должна вести себя как старуха».

Лу Чэнъе за все эти годы составил полное мнение о Чжао Сяолянью. Когда он был собакой, он страдал от того, что не мог говорить. Теперь у него наконец появилась возможность разорвать её на куски. Сегодня он не собирался уважать старших и уж тем более не собирался уважать эту женщину.

У Чжан Хана не было другого выбора, кроме как встать и взять Лу Чэнъе за руку. Он сказал своей матери: «Давай закончим на сегодня. Ты можешь видеть, что у меня хорошая жизнь. А что касается тебя... Если ты можешь иметь такое лицо, как сейчас, я полагаю, твоя жизнь тоже довольно хороша. Поскольку у нас обоих всё хорошо, мы не должны мешать друг другу жить».

Закончив говорить, Чжан Хан не стал дожидаться её ответа и сразу же повел Лу Чэнъе к выходу. Мужчина был в хорошем настроении из-за того, что Чжан Хан вёл его за руку вместо собачьего поводка. Он последовал за ним с полным счастья лицом и не отпускал его, пока молодой человек не сел в машину.

Водителем был Бай Сюй. После двух автомобильных аварий подряд Лу Чэнъе некоторое время не собирался садиться за руль.

Из-за постороннего человека в машине Чжан Хан не мог ничего сказать, пока они не вернулись домой и не остались наедине, тогда он несильно ударил Лу Чэнъе: «Ты испортил мне весь план».

Лу Чэнъе нежно сжал подбородок Чжан Хана, приподнимая его лицо, и пожаловался: «Знаешь, какое у тебя было выражение лица, когда ты только что был с Чжао Сяолянью? Если тебе тяжело, то я бы предпочел не следовать этому плану».

Сердце Чжан Хана смягчилось. Он обнял Лу Чэнъе за талию и тихо сказал: «Но когда ты пришёл, я был очень счастлив. Мой Дахэй никому не позволит обижать меня».

«Хорошо, что ты это знаешь, - удовлетворённо кивнул председатель Лу. - Нам нужно изменить твой план так, чтобы он не заставлял тебя страдать».

«В этом нет необходимости, - сказал Чжан Хан, качая головой. - Игра почти окончена».

Лу Чэнъе посмотрел на Чжан Хана, ожидая его объяснений. Чжан Хан не преминул оправдать его ожидания и спокойно поделился своими догадками с Лу Чэнъе. В конце концов, он был адвокатом и работал над многими делами, обстоятельства которых отличались от жизненного опыта Лу Чэнъе. В деловом мире способности председателя Лу не имели себе равных, но его чуткость к деталям не могла сравниться с пониманием Чжан Хана, который в последние годы упорно изучал закон и человеческую психологию.

«Ты уверен, что это он?» - выслушав анализ Чжан Хана, Лу Чэнъе задумался.

«Почти на 90%, - Чжан Хан кивнул, крепко держа Лу Чэнъе за руку, и сказал, - не грусти».

«О чём тут грустить? - Лу Чэнъе покачал головой. - У меня никогда не было к нему глубоких чувств. Это просто немного неожиданно, что он хочет заполучить мою жизнь и состояние, я всегда думал, что его вообще не заботят эти вещи».

Чжан Хан внимательно прислушался к голосу Лу Чэнъе и обнаружил, что он на самом деле слышит только лёгкий намёк на сожаление, но большой печали не было. В конце концов, он отбросил свои тревоги и положил голову на плечо Лу Чэнъе.

Когда он вёл утомительную беседу с Чжао Сяолянь и вдруг услышал голос Лу Чэнъе, то внезапно почувствовал, как расцветают цветы и всё его сердце озаряется светом.

В мире, где ты есть - будет свет. В мире, где ты есть - будут яркие цвета.

<http://bllate.org/book/13843/1221854>